

УДК 007:1:316.3

**Личностная геронтологическая идентификация в современном обществе
(синергетический дискурс)****Николаева Е.М.**

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии философского факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Дьяченко Л.И.

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин
Набережночелнинского филиала
Института экономики, управления и права (Казань)

Цель статьи – построение основных моделей личностной геронтологической идентификации и выявление путей их формирования в социуме начале XXI вв. Обосновывается эвристическая продуктивность использования теоретико-методологического аппарата социальной синергетики, опосредующего философский дискурс феномена старости в аспекте личностной геронтологической идентификации. Это позволило рассмотреть старость как сложный, комплексный феномен, совместить аналитику старости как формы бытия (ставшего) с исследованием механизмов старения (становящегося).

Ключевые слова: подлинная старость, мнимая старость, глубинное «Я», эмпирическое «Я», геронтологический аттрактор, бифуркационный переход, этос старости.

Перманентное возрастание доли пожилых и старых людей в численности мирового народонаселения, существенная трансформация их места и роли в обществе под влиянием глобальных процессов современного цивилизационного развития обуславливают необходимость нового осмысления феноменов старости и старения. В современном обществе старость выступает в качестве длительного и значительного этапа индивидуального развития и является одним из важнейших индикаторов изменения социальных, экономических, политических процессов макроструктурного уровня. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2000 году в мире насчитывалось 600 млн. человек в возрасте старше 60 лет. По прогнозам этой организации, к 2025 году их

количество достигнет 1 млрд. 200 тыс. человек, а к 2050 составит 2 млрд. человек [1].

С древнейших пор старость символизировала переход на качественно новый, благодатный, социально значимый и престижный этап жизни. Тогда под старостью подразумевалось не только физиологическое, но и духовно-нравственное состояние человека. Старые люди ассоциировались в обществе с элитой, носителями мудрости, были окружены уважением и почетом.

Современная культура поклонения молодости акцентирует неприятие старости, проблему конфликта поколений. В терминах «старость» и «пожилые люди» начинает превалировать негативное значение, зачастую они являются синонимами слов «дряхлый», «угасший», «ущербный», «отживший».

Современные старые люди, оказавшись на социальной периферии, в большинстве своем озабочены своим физическим состоянием, отягощены материальными, бытовыми проблемами.

Такой трансформации в отношении старости и ее носителей способствует стремительное развитие общества, технический прогресс. Это, в свою очередь, влияет на появление зависимости пожилых людей от более активных членов общества, затрудняет их самореализацию, ускоряет процессы патологического старения. Очень часто «тональность» неприятия старости поддерживают средства масс-медиа, конструируя проблему снижения интеллекта, психической неполноценности, статуса и благосостояния пожилых людей.

Нравственная система современной цивилизации отдаёт предпочтение самодостаточности, активности, энтузиазму и новаторству как антиподам пассивной, косной, старомодной старости. Престижно быть молодым и преуспевающим. Очевидно, что такое положение существенным образом отражается на самооценке пожилых, ведет к обеднению духовного мира человека, его обесцениванию как личности, а также формирует соответствующим образом мировоззрение новых поколений. Происходит разрушение традиционных ценностных основ, культура старения и умирания безвозвратно уходит.

Между тем, по мнению ученых, современный пожилой человек развивается в соответствии со своими интересами, привязанностями и потребностями широкий диапазон различных форм активности: культурной, профессиональной, общественной, художественной, спортивной.

Американский ученый Э. Эриксон, характеризуя старость, использует такие словосочетания: «зрелость ума», «глубокое всеобъемлющее внимание», «обдуманность суждений». Мудрость состоит в принятии собственной жизни целиком, со всеми её взлётами и падениями, в отсутствии горечи по поводу прожитой жизни и невозможности начать её сначала. Старость ни в коем случае не должна быть процессом упадка, она должна стать дальнейшим этапом реализации стремлений человека, удовлетворения его потребности быть значимым и самостоятельным. Идеальное старение требует от человека мудрости, альтруизма. Именно мудрость старших поколений может явиться мощнейшим стимулом и фактором развития общества, способствующим созданию гармоничной структуры социальной действительности.

Переход человека к третьему возрасту – это, безусловно, кризис, связанный с оценкой ценности и смысла прожитой жизни. Это осмысление, подведение итогов пройденного жизненного пути и попытка в оставшееся время что-то изменить или компенсировать. Этот кризис можно назвать смыслообразующим, поскольку он является поворотным пунктом,

моментом выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией в новые социально-культурные условия и отставанием «выпадением» из эпохи.

Старость, будучи бифуркационным переходом, позволяет освоить новые отношения и осознать, принять себя самого в этих отношениях. В идеале личность выходит из бифуркационного кризиса, обогащенная чувством внутреннего единства, обладающая ясными суждениями и большей способностью действовать эффективно. Этот кризис связан с теми изменениями, которые происходят с человеком, когда он начинает стареть, а также с тем, каким образом эти изменения им осознаются, и как индивид реагирует на эти изменения.

Одним из первых понятие «этнос старости» употребил К.С. Пигров. В своей работе «Экзистенциальный смысл настоящей старости» он пишет: «Мы разделяем старость настоящую, подлинную, достойную, с одной стороны, и старость не подлинную, жалкую, неудавшуюся, – с другой. Конечно, в каждом конкретном человеке, достигшем соответствующего возраста, есть моменты настоящей старости, и моменты не подлинной старости. Дело в том, какие моменты в нем преобладают. Соответственно, разделяются, с одной стороны, настоящие старики и с другой, те, которые оказались не на высоте призвания старости, – *старики-симулякры*» [2, с. 3-6].

В рамках нашего исследования мы, опираясь на дефиниции, введенные К.С. Пигровым, проведем экспликацию двух моделей старости: *старости мнимой и старости подлинной*, определив специфический этос каждой из них. Методологической основой данной экспликации будет служить синергетическая концепция аттракторов. В нашем случае процесс формирования названных моделей будем трактовать как движение к определенным геронтологическим аттракторам. Это движение определяется в первую очередь доминированием того или иного параметра порядка в жизнедеятельности человека.

Голландский психиатр, социальный педагог Б. Ливехуд считает, что, если в зрелом возрасте («средней фазе жизни») человек сумел развить в себе интерес к искусству, науке, природе или социальной жизни, то в старости он «сможет черпать все больше сил для жизни из этого духовного источника». Напротив, тот, кто в средней фазе жизни гнался только за личным успехом и карьерой или пассивно жил своей работой и жизненными обстоятельствами, «становится к середине пятидесятих трагической личностью, испытывающей грусть по старым добрым временам, чувствующей угрозу для себя во всем новом» [3, с. 48-49].

По существу в этом отрывке исследователь обозначил два параметра порядка, которые могут определять формирование двух противоположных моделей старости. Эти параметры порядка опосредуют диалектику человеческого «Я», задают векторы дви-

жения (притяжения) к одному из геронтологических аттракторов как конечной цели личностного развития. В таком контексте у старости есть очень важное социальное значение – она является якорем жизни, ее последней координатой, к которой, родившись, человек движется всю жизнь и по качеству которой оценивается весь пройденный им путь.

Какова будет старость, зависит от того, каким образом человек научился жить. Для очень многих она трагична, символизирует распад и угасание, но может стать и постепенным, щадящим процессом. По мнению отечественного исследователя В.И. Красикова, это становится возможным, «когда в биологическое расписание включается ставший автономным фактор духа, сознания. В этом случае возникает возможность выхода из режима “социальной естественности” и организовать свою жизнь на иной лад. Такой дух отчаянно и довольно успешно тормозит одряхление, не допускает тотальной экзистенциальной девальвации» [4, с. 95].

Безусловно, избежать увядания, упадка физических сил – единого для всех естественного пути – невозможно, но сделать его до конца осмысленным, интересным, а значит и проживаемым более позитивно под силу только деятельному духу.

Мы будем исходить из следующей гипотезы: человек в молодом и зрелом возрасте определяет свое преимущественное отношение к реальности бытия и самому себе в этой реальности двумя способами:

– либо через внешнее самоопределение, важнейшей посылкой которого становится фундаментальная категория «иметь»;

– либо через внутреннее самоопределение, которое реализуется через фундаментальную категорию «быть».

Когда жизнь открывается человеку в возможностях «иметь» и «быть», одна личность выбирает обладание, другая – становление.

В первом случае параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору мнимая старость, является эмпирическое «Я». Этот параметр порядка задает эмпирически-горизонтальный слой бытия человека, ориентирует его на данные, которые доставляются внешним миром. При этом поступки человека, с доминирующим эмпирическим «Я» обусловлены влиянием лиц и вещей. Предпочтительное внимание уделяется объектам внешнего мира и обладанию ими.

Интересы, запросы и все жизненные потребности человека, пребывающего в фокусе этого аттрактора, ориентированы лишь на внешний успех, благополучие, материальные выгоды. Из средств к существованию они превращаются при этом в его цель, которая осуществляется под знаком «иметь». Как результат, перед лицом вечности вся эта надстройка теряет смысл, «сгорает», поскольку в вечности «иметь» что-либо из того, чем обладал человек на

земле, уже невозможно, а единственно оправданный перед лицом вечности принцип «быть» не был осуществлен: в рамках биографического времени личность как целостная структура оказывается не сформированной.

Доминирующее эмпирическое «Я» не позволяет человеку на этапах молодости и зрелости увидеть в старости идеала (цели), которому он хотел бы соответствовать, достигнув почтенного возраста. Соответственно он не имеет возможности выстроить свой жизненный путь таким образом, чтобы на его завершающем этапе не испытывать тяжелых страданий от потери статуса, власти, самоуважения.

Такой человек жестко сцеплен со своим телом и своим социальным окружением, он не способен вовремя, на этапах молодости и зрелости, дистанцироваться от повседневности, обособиться в собственном сознании. Поэтому старость для него представляется всегда чем-то внешним, пришлым (не его и не от него), что указывает на неготовность индивида к неизбежным серьезным телесным, психологическим и социальным трансформациям. Сознание мнимого старика, утратив себя прежнего: бодрого телом, востребованного в социальном окружении и профессии – оказывается беззащитным, неадаптированным перед лицом новых реалий, когда все чаще подводит телесность, а некогда исключительные способности, навыки не выдерживают конкуренции со способностями более молодых, компетентных и энергичных современников.

Старость в одночасье лишает человека, пребывавшего большую часть жизни в эмпирическом слое бытия, осмысленности его существования. Для сознания, «сросшегося» с телесным функционированием, основу которого составляют плотские удовольствия и духовный консюмеризм, не испытывавшего внутренней потребности в метаудовольствиях и духовном производстве, старость кладет предел всяческому смыслу.

В другом случае параметром порядка, управляющим движением к геронтологическому аттрактору *подлинная старость*, является глубинное «Я». Этот параметр порядка разворачивает духовный, внутренний слой бытия человека, обращает его к непреходящим, духовным и вечным благам, утверждая их в качестве главных ценностей жизни. Человек, пребывая в фокусе этого аттрактора, способен осознавать скоротечность и временность земных благ. Этот аттрактор предполагает мировоззренческую и ценностную переориентацию личности в течение жизни. В молодом и зрелом возрасте работа по конституированию, сохранению, поддержанию идентичности личности практически всегда происходит в условиях жизненной экспансии. Личность расширяет свой личностный мир, завоевывает новые «плацдармы» (термин В.М. Розина), усложняется. Личностный рост при этом понимается как особая

работа личности («оправдание» себя личностью) в условиях выхода последней за свои пределы, границы, как принятие личности себя новой, усложненной, более богатой.

По мере взросления и старения человека эмпирический аспект бытия все более теряет свое преимущественное, центральное место в личной жизни, уступая первостепенное значение вопросам духовного порядка. Пожилой человек не только и не столько работает над смыслами своей текущей жизни, но и неизбежно осмысливает свою жизнь как целое.

Подлинная, плодотворная, здоровая старость связана с принятием своего жизненного пути и старости как новой культурной реальности со своим особым этосом, направленным на постепенное завершение, исчерпание задач жизненной экспансии. Это переход к другому типу жизнедеятельности, иному типу развития, где главным становится не активное вбирание в себя нового, а сохранение, удержание в себе старого, его структурирование и передача другим поколениям. В этом случае возможна позитивная эволюция пожилого человека, обеспечивающая сохранность его связей с обществом.

Принять свой жизненный путь таким, каким он был, – вот задача пожилого возраста. Это значит принять и себя в своем новом возрасте, выстроить свое поведение, опираясь на преимущества старости, главным из которых является способность целостного восприятия мира. Подлинная старость отличается направленностью личности на активную работу со своим глубинным «Я». Причем эта направленность формируется задолго до наступления почтенного возраста, еще в молодые и зрелые годы. В этом случае старость становится носителем благодатных плодов, поскольку она оценивает опыт прожитых лет с высоты смирения, оставленных страстей и близкого дыхания вечности.

В пожилом возрасте осуществляется переход в иную сферу социальной жизни, связанную с активизацией духовных способностей. Когда наряду с неизбежным физическим регрессом прослеживается прогресс духовный, приходит осознание ценностно-смысловых ориентиров, составляющих этос подлинной старости. Этот возраст отличает особое предназначение, специфическая роль в системе жизненного цикла человека: именно старость очерчивает общую ретроспективу и возможную перспективу развития личности. Согласно философии экзистенциализма, человек есть существование, которое вечно стремится к сущности, но становится ею лишь в одной единственной ситуации – на исходе жизни. Поэтому только с позиции старости, когда происходит собирание жизни как целого, можно понять и объяснить ее сущность и смысл.

Мнимая старость (*старость-симулякр*) связана с неприятием старости как новой культурной реальности и себя в ней. Здесь человек продолжает жиз-

ненную экспансию, жестко идентифицируя себя со своим эмпирическим «Я» и собственным телом, и тщетно пытается «убежать» от старости, чтобы как можно дольше вести тот образ жизни, к которому он привык. Современная наука предлагает различные искусственные средства омоложения, с помощью которых стареющие люди пытаются преодолеть, снять свою увядающую телесность, усовершенствовать ее. Стремление старых людей быть молодыми, интенсивно заниматься спортом, предаваться молодежным развлечениям, следовать молодежной моде во внешнем облике (одежда, обувь, прическа, макияж), делать омолаживающие операции, демонстрировать юношескую сексуальную активность – квазиспасение и самообман. Это путь, ведущий к самоликвидации.

Если подлинная старость представляет собой сбалансированность желаний и возможностей, то мнимая, неудавшаяся старость являет собой их трагический конфликт. Унизительная роль многих современных стариков обусловлена не тем, что правительство не обеспечивает их достойное материальное существование, качественное медицинское обслуживание и т.д. Она определена в первую очередь тем, что они находятся в плену своего эмпирического «Я», детерминированного «ценностями» современной цивилизации. В этих «ценностях» главное – чувственные удовольствия, брызжащий во все стороны избыток физических сил, успех, богатство, власть, публичное признание, слава.

Этот набор ориентиров для старика в духовном плане не просто разрушителен, а губителен. Настоящий старик сопротивляется этой провокации, помня о подлинной ценности равновесия и спокойствия. Он не требует невозможного от медицины или большой пенсии от государства. Он озабочен не тем, чтобы получить «причитающееся, заработанное», а тем, чтобы отдать, быть по возможности востребованным своим окружением. Специфика желаний настоящего старика именно в том, чтобы, как это и свойственно разумной душе, отдавать, а не брать.

Старость – это, несомненно, кризис сознания. Но если для настоящих стариков этот кризис носит содержательно-метафизический характер, когда сознание способно к новообразованиям, когда оно может выбирать дальнейшие пути, отказываться от чего-то, напрягаться в поисках себя иного, то для мнимого старика – это переживание трагической несправедливости настоящего, переставшего быть понятным, ужас от ожидания предстоящего финала.

Так происходит оттого, что в предшествующие старости жизненные периоды человек не задумывался о каких-либо смыслах, выходящих за имеющийся обыденный распорядок жизни, за ее простые и доступные для понимания значимости. Пока человек здоров, деятелен, он успешно функционирует как биологическая и социальная единица, орга-

лично вписывается в повседневное эмпирическое целое. Как только случаются сбои на психосоматическом или социальном уровнях, он перестает соответствовать нормам функционирующего целого, становится неконкурентоспособным и выпадает из той единственной реальности, с которой ранее себя ассоциировал.

Эта ситуация оборачивается крахом для стареющих людей, поскольку у них ««существование» и «смысл» нацело совпадают с социально-жизненным функционированием» [4, с. 105]. Никакой иной реальности, которая выступала бы «экзистенциальным убежищем», у них нет. Общечеловеческая проблема «Как быть старым?» для них не имеет удовлетворительного решения, поскольку, будучи поглощены бытийствованием на уровне эмпирического «Я», они упустили возможность работы со своим глубинным «Я», возможно, даже и не подозревая о его существовании. А ведь только глубинное «Я» может подсказать человеку способы обрести себя в завершающем периоде жизни!

Литература:

1. Building a Society for all Ages. Second World Assembly on Ageing. Madrid. Spain, 08-12.04.2002. – Department of Public Information DPV 2264. – 2002. -March.
2. Пигров К.С. Экзистенциальный смысл настоящей старости // Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия «Simposium», вып. 24. – СПб.: Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2002. – С. 3-6.
3. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. – Калуга: Духовное познание, 1994. – 224 с.
4. Красиков В.И. Синдром существования. – Томск: ИПП «Наука», 1995. – 256 с.

Personal Gerontological Identification in Modern Society (Synergetic Discourse)

E. Nikolaeva

The Kazan (Volga Region) Federal University

L. Dyachenko

The Naberegno-Chelnj Branch The Institute of Economics, Management and Law

The article aims to construct general models of personal gerontological identification and find the ways of their development in the society in the beginning of XXI centuries. The authors justify heuristic effectiveness of using the theoretical-methodological framework of social synergetics, which mediates the philosophical discourse of ageing phenomenon in the aspect of personal gerontological identification.

Key words: genuine anility, seeming anility, innermost «Self», empirical «Self», gerontological attractor, bifurcational transition, anility ethos.

